

УДК 930.9  
ББК 63.3(0)6

## Карибский кризис в политике памяти СССР (России) и США: сравнительная характеристика

*В.Е. Дергачева, Ю.Г. Чернышов*

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

## The Caribbean Crisis in the Memory Politics of the USSR (Russia) and the United States: Comparative Characteristics

*V.E. Dergacheva, Yu.G. Chernyshov*

Altai State University (Barnaul, Russia)

В статье рассматриваются и сравниваются два национальных варианта политики памяти, советский (российский) и американский, в отношении Карибского кризиса — одного из самых резонансных событий «холодной войны». Характеризуются основные варианты интерпретации событий Карибского кризиса каждой из рассматриваемых стран в контексте тех изменений, которые происходили на международной арене и во внутривнутриполитической жизни. Анализируются основные методы и способы проведения политики памяти, которые использовала каждая из сторон конфликта. Предпринимается попытка выделить общие подходы к проведению политики памяти и отличительные черты, характерные для каждой из сторон. Особое внимание авторы уделяют освещению событий Карибского кризиса в школьных учебниках, открытых для свободного доступа архивных документах, музейных экспозициях и мемориалах, посвященных истории геополитического и идеологического противоборства двух сверхдержав. Характеризуются сферы наибольшего применения проводимой политики в каждой из стран. В статье затрагивается также вопрос о том, как политика памяти была связана с эволюцией идентичностей двух государств в период «холодной войны» и после ее окончания.

**Ключевые слова:** политика памяти, «холодная война», Карибский кризис, имидж СССР, имидж США, идеологии, политическая идентичность.

DOI 10.14258/izvasu(2020)6-03

Если рассматривать Карибский кризис 1962 г. как своеобразную кульминационную точку «холодной войны», стоит обратить внимание на то, что это историческое событие очень быстро приобрело символический смысл, связанный с политическими идентичностями стран — участниц конфликта. Не

This paper discusses and compares two national versions of memory politics (Soviet/Russian and American versions) in the context of the Caribbean crisis, one of the most resonant events of the Cold war. The paper describes how each country interprets the Caribbean crisis in the context of the changes that took place in the international arena and in domestic political life. The main methods of memory politics implementation that are typical for each of the parties to the conflict are analyzed. An attempt is made to identify common approaches to memory politics implementation and distinctive features specific to each of the parties. The authors pay special attention to the coverage of the Caribbean crisis in schoolbook, in declassified archival documents, in museum exhibitions and memorials dedicated to the history of geopolitical and ideological confrontation between the two superpowers. The paper describes the areas where the policy in question is most often applied. The issue of how the memory politics was related to the evolution of the identities of the two states during the Cold war and after its end is also touched upon.

**Key words:** memory politics, the Cold war, the Caribbean crisis, the image of the USSR, the image of the United States, ideology, political identity.

стоит забывать, что в тогдашнем противоборстве двух «лагерей», «капиталистического» и «социалистического», важнейшую роль играли не только чисто геополитические интересы, но и принципиально разные «образы жизни», разные идеологии. После распада Советского Союза этот аспект противобор-

ства во многом утратил свою актуальность; менялся и характер российско-американских отношений — от «потепления» и развития сотрудничества к новому «охлаждению». В данной статье ставится цель: проследить в основных чертах, как менялась за эти годы политика памяти в двух странах, каковы были наиболее важные сходства и различия в этой политике. Разумеется, учитывая ограниченный объем статьи, авторы не претендуют на освещение всех аспектов этой обширной темы.

Изучением феномена «политики памяти» в последние годы активно занимались как отечественные, так и зарубежные ученые. Рассмотрению политики памяти как фактора «мягкой силы» и выявлению ее влияния на имиджи и идентичности посвящено немало отечественных исследований — в частности, Г.А. Бордюгова, Д.В. Ефременко, О.Ю. Малиновой, А.И. Миллера, И.С. Семененко, В.В. Титова и др. [1–5]. В зарубежных работах рассматриваются такие аспекты, как соотношение памяти и истории, последствия искажения истории; предпринимаются попытки обобщения дебатов о том, как в целом складываются социальные представления о прошлом (А. Ассман, Дж. Кокли, П. Нора, Э. Хобсбаум и др. [6–9]). И в отечественной, и в зарубежной литературе уже есть работы, в которых предпринимаются попытки изучить опыт политики памяти в отношении Карибского кризиса (или, как принято называть его в США, Cuban missile crisis) (см., например: [10–16]).

Во времени этого кризиса в СССР и США сложились во многом различные модели «политики памяти», основанные и на разных ценностях, и на существенных различиях в используемых инструментах и методах. Так, например, в странах «социалистического лагеря» государственные институты играли существенно более важную роль в продвижении строго определенных официальных интерпретаций исторических событий. Во многих странах Запада, напротив, зачастую не было таких мощных специальных структур, целью которых было проведение идеологизированной политики памяти. Однако это не значило, что в этих странах не занимались данной проблемой. Тем более, что «набор инструментов» в обоих случаях оставался во многом схожим. Это, например, контроль над системой образования для продвижения выгодной интерпретации исторических событий, контроль над СМИ, создание работающих в нужном направлении просветительских организаций, выпуск соответствующих литературных произведений и кинофильмов, открытие памятников, прославляющих «необходимых» героев, и т.д. Каждая из стран, проводя политику памяти, по-своему использовала этот набор методов.

Для анализа вариантов политики памяти в отношении Карибского кризиса можно использовать

разные источники: учебники, по которым проходят школьную программу с 1997 г. по настоящее время; официальные выступления советских (российских) и американских политиков; национальные исторические и просветительские проекты; рассекреченные архивы; исторические памятники и т.д. Стоит отметить, что на протяжении долгого времени Карибский кризис, поставивший мир на грань ядерной катастрофы, оставался предметом споров в мировых СМИ. О том, кто прав, кто виноват, и кто проявил большее благоразумие в данном конфликте, еще долго говорили. Уделялось внимание последствиям кризиса для имиджей сверхдержав и для их отношений со своими союзниками. Со временем менялось и освещение этого события в странах – участницах конфликта.

Одним из следствий Карибского кризиса стало то, что в СССР (России) многие десятилетия продолжало сохраняться особое отношение к Кубе. В этой романтизации образа («Куба – любовь моя», образ Че Гевары и т.д.) можно видеть плоды работы политики памяти. Было сформировано нужное отношение к кубинской революции и к Фиделю Кастро (с которым российские лидеры встречались многократно). При этом политика памяти в отношении Карибского кризиса была многоплановой: нужно было не только продемонстрировать дружбу с Кубой, но и продолжать формировать имидж США как агрессора в данном конфликте, сохранять память о Карибском кризисе как о поучительном уроке борьбы с крупнейшей «империалистической державой».

Вектор отечественной политики памяти зависел не только от изменений в советско-американских, а затем в российско-американских отношениях, но и от внутренней ситуации в каждой из стран. При смене власти в стране важные исторические события нередко приобретают новые интерпретации. Сам Н.С. Хрущев, предвидя упреки и в «авантюризме», и в «нерешительности», говорил в ноябре 1962 г.: «А если бы мы не уступили, может быть, Америка больше уступила? Может быть, и так. Но это могло быть похоже на детскую сказку, когда два козла встретились на перекладине перед пропастью. Они проявили козлиную мудрость, и оба упали в пропасть» [17]. Пришедший к власти в 1964 г. Л.И. Брежнев осуждал поведение Хрущева. Он говорил, что тот хотел обхитрить американцев и держать их на прицеле, а в итоге просчитался и чуть не привел мир к катастрофе. Сколько потом пришлось трудиться советскому руководству, говорил Брежнев, чтобы доказать США, что мы реально хотим мира [18]. Данную позицию Брежнева во многом можно объяснить спецификой смены лидеров при советской власти: каждый новый политический лидер пытался объяснить накопившиеся проблемы промахами своего предшественника.

Стоит отметить отношение президента СССР М.С. Горбачева к Карибскому кризису и Кубе. На фоне «оттепели» в отношениях с США кризис как таковой практически не обсуждался в информационном поле, но он воспринимался как свидетельство дружбы кубинского и советского народов. Горбачев неоднократно встречался с кубинским лидером, они обсуждали новые возможности для сотрудничества, собственные взгляды на социализм. М.С. Горбачев отзывался о Фиделе Кастро как об уникальной личности [19].

Говоря о политике в сфере образования в конце XX в., следует сказать, что кризис упоминался в основном лишь в контексте других, более важных для СССР и России событий. Это отчасти объяснимо спецификой преподавания истории в российских школах, где упор делается на отечественную, а не на всемирную историю. Так, в учебнике 1999 г. (авторы — А.К. Соколов, В.С. Тяжелников) Карибский кризис упоминается в контексте кризиса как внутренней, так и внешней политики Н.С. Хрущева. Авторы указывают на тот факт, что именно после Карибского кризиса 1962 г. Хрущев не знал, что делать, потенциал его решений был исчерпан [20].

В учебнике по истории 2003 г. выпуска (авторы — А.А. Данилов, Л.Г. Косулина, А.В. Пыжиков) вектор освещения Карибского кризиса в контексте других событий не изменился. Рассматривая место стран «третьего мира» во внешней политике СССР, авторы указывают на то, что СССР оказывал многим странам помощь с целью направить их по социалистическому пути. В учебнике приводятся слова из воспоминаний Хрущева, когда он говорит о необходимости продемонстрировать США свою серьезность, нацелив ракеты на американские промышленные центры [21]. Рассмотрение кризиса в векторе политики Н.С. Хрущева остается прежним, однако немного снижается уровень негативной оценки в сравнении с более ранним периодом. Современную трактовку Карибского кризиса во многом характеризует учебник 2009 г., по которому некоторые школы обучают и сейчас (авторы — О.В. Волобуев, С.В. Кулешов). Карибский кризис называют там «самым серьезным после Второй мировой войны внешнеполитическим конфликтом». В учебнике говорится, что СССР, размещая ракеты на Кубе, лишь хотел зеркально ответить на агрессию США в отношении кубинского народа. Разрешить конфликт удалось благодаря уступкам со стороны СССР. Из-за такого рода уступок у СССР возникли сложности во взаимоотношениях со многими социалистическими странами [22].

Долгое время документы о Карибском кризисе находились под грифом «секретно», но многие из них постепенно рассекречивались как в США, так и в России; в обеих странах выходили и доку-

ментальные фильмы. К 30-летию событий кризиса стали доступны стенограммы и постановления Президиума ЦК КПСС, где обсуждались вопросы, связанные с Кубой [23, с. 341–367]. Также следует указать на тот факт, что до рассекречивания некоторых подробностей операции «Анадырь» (по тайной переброске на Кубу советских ракет) в США не знали многое о масштабах и характере находившегося там вооружения. Некоторые секретные данные, например, о потерях советских граждан на Кубе, были обнародованы в связи с 55-летием событий Карибского кризиса [24].

Следующим приемом политики памяти, который использовала каждая из стран, было открытие музеев и памятников, посвященных Карибскому кризису. Музей «холодной войны», известный как «Бункер-42», находится в Москве на территории бывшего засекреченного военного объекта. В 1960-е гг. он был оснащен на случай ядерного удара, а в период Карибского кризиса работал в автономном режиме с регулярным дежурством в ожидании ядерной атаки. Рассекречен данный объект был лишь в 2000 г. В музее проходят экскурсии по тематике «холодной войны». Есть и экскурсия под названием «Карибский кризис». Посетители, делаясь впечатлениями, часто вспоминают возможность пройти с помощью компьютера ознакомительный процесс «запуска ракеты на территорию врага». Впечатления жуткие: «...стало как-то немного не по себе» — делится впечатлениями один из них [25]. Экспозиция поддерживает имидж США как «опасного противника», при этом напоминая и о недопустимости глобального ядерного конфликта.

Сейчас в разных кругах встречаются различные оценки Карибского кризиса. Так, например, на совместном заседании Совета Российского исторического общества, Совета по внешней оборонной политике и «Деловой России» в 2014 г. многие участники проводили параллели с современной политикой санкций против российского руководства и высказывали мнение, что «недоработки 25-летней давности привели к тому, что мы опять входим на тот же круг» [26]. Совсем иное отношение демонстрируют, по наблюдениям экспертов, простые граждане, осознавшие только теперь ту степень угрозы, которой подверглось все население нашей страны: «...в российском общественном сознании постепенно, но неуклонно формируется вполне определенное представление о том, что Хрущев и его ближайшее окружение, твердо решив начать разговаривать с политической элитой США с позиции силы и прибегнув при этом к открытому ядерному шантажу, меньше всего беспокоились о жизни и безопасности населения страны» [27]. Плюрализм мнений, несомненно, стал более распространенным, чем в 1960-е гг., и дискуссии будут продолжаться и дальше.

Рассматривая **американский вариант** политики памяти в отношении Карибского кризиса, стоит упомянуть, что политика США в отношении Кубы и сам кризис надолго прервали американо-кубинские отношения. В 2014 г. администрация Барака Обамы попыталась перейти к возобновлению отношений и конструктивному сотрудничеству с Кубой. Воспринимая Карибский кризис как урок для всего человечества, Барак Обама и Рауль Кастро в 2014 г. объявили о восстановлении дипломатических отношений, а в 2015 г. состоялась официальная встреча двух президентов. В 2016 г. Барак Обама посетил Кубу с официальным визитом, это был первый визит главы Белого дома с 1928 г. [28]. Этот новый этап в американо-кубинских отношениях именуется многими западными СМИ как «Кубинская оттепель» или «Cuban Thaw».

Говоря о влиянии со стороны правительства на сферу образования в США, следует сказать, что школьники и преподаватели относительно свободны в выборе учебников и обзорных работ для школьной программы. В книге «A History of the American People», опубликованной в 1997 г., автор отмечает, что инициативу Н.С. Хрущёва по тайному размещению ракет на Кубе США оценивали как «абсурдный и опасный шаг», «риск в сочетании с хвастовством и гордыней» [29]. Подведены следующие итоги кризиса: США согласились выполнить лишь одно из условий Н.С. Хрущёва — гарантия ненападения на Кубу, а Фидель Кастро, в свою очередь, узнав об этом по радио, был вне себя от негодования и долго «осыпал оскорблениями» советского лидера. Автор указывает на то, что это СССР привёл мир на грань ядерной войны, США вышли победителем, а Кастро был «опрокинут за борт геополитической и идеологической борьбы двух сверхдержав».

В работе «The American Nation: Civil War to the Present», вышедшей в свет в 2000 г., говорится о том, что США очень беспокоило прогрессирующее советско-кубинское сотрудничество. Именно возрастающая советская угроза подтолкнула США приступить к выработке плана по свержению кубинского лидера и к разработке операции в заливе Кочинос. Авторы акцентируют, что именно решительные шаги Кеннеди вынудили Хрущёва пойти на компромисс: СССР убирает ракеты с Кубы, США в ответ дают гарантию ненападения на Кубу [30]. Отмечается также особая роль США в урегулировании кризиса: по мнению авторов, СССР лишь послушно согласился на условия, диктуемые американской стороной.

В справочнике по истории США Грега Варда, переведённом на русский язык в 2009 г., Карибский кризис рассматривается в контексте политики Джона Кеннеди. Данный кризис, по мнению автора, принёс неоспоримый успех и уважение американскому президенту [31, с. 199]. Автор отмечает, что в данном

противостоянии именно СССР «моргнул первым», повернув назад и решив не нарушать карантин, введённый США в отношении Кубы. В завершающий этап кризиса вся мировая общественность считала, что США проигнорировали второе требование СССР о выводе американских ракет из Турции, так как американский «шаг навстречу» не был предан огласке. В итоге, по мнению автора, Кеннеди показал себя «хладнокровным и решительным государственным деятелем», а вот Хрущёв позже был смещён за «унизительный отход на попятную» [31, с. 206].

Такие работы являются теми «кирпичиками фундамента», на котором формируется мировоззрение американских школьников и студентов относительно рассматриваемого кризиса. Нельзя не заметить, что определённая тенденция в интерпретациях всё же прослеживается. Несмотря на плюрализм мнений в американском обществе по многим вопросам, в отношении важных исторических событий всё же нередко наблюдается согласованность в оценке роли США. Историческое мировоззрение школьников и студентов в связи с этими событиями формируется в двух направлениях:

1. Ключевую роль в преодолении кризиса сыграли США, а Джон Кеннеди вошёл в историю как человек, спасший мир от ядерной войны.

2. СССР затеял опасную игру, которую сам же проиграл, и после безрассудной авантюры на Кубе Н.С. Хрущёв был отстранён от власти.

Как и в случае с советской политикой памяти, ограничение доступа к архивам также было одним из методов американской политики. Многие документы о Карибском кризисе были засекречены. Со временем, однако, запреты снимались. Так, в 2003 г. был выпущен документальный фильм «Туман войны» с воспоминаниями министра обороны Роберта Макнамары [32]. В 2012 г. исполнилось 50 лет рассматриваемым событиям, и США разместили некоторые документы на сайте архива Национальной безопасности — исследовательской структуры в составе Университета имени Джорджа Вашингтона. Суть данных документов свидетельствует о том, что лишь благодаря выдержке и трезвой оценке ситуации со стороны Джона Кеннеди удалось избежать катастрофы, хотя многие «ястребы» из администрации президента всеми силами толкали его на действия агрессивного характера [33].

Историк Сергей Хрущев, сын Н.С. Хрущева, жил в США и преподавал в Университете Брауна (Brown University). В своем интервью «Российской газете» он рассказывал о том, как события Карибского кризиса преподносятся в академической американской среде. В США, по его мнению, до сих пор существует мифология кризиса: «хорошая держава» всегда должна выйти победителем. Именно такая же картина, с сожалением констатировал он, наблюдает-

ся и в России. Однако сейчас США пересматривают свои взгляды: речь теперь чаще идет о том, что именно благодаря мудрости обоих лидеров удалось избежать ядерной катастрофы [34].

Стоит отметить, что в США не забыли о создании музеев и мемориалов, посвященных Карибскому кризису. В штате Виргиния есть частный музей «холодной войны», который основал историк Джейсон Холл. В этом музее можно увидеть технику для шифрования, фото ядерных взрывов и даже точную копию советской ракеты, сбившей «У-2», и обгоревший обломок самолета, который сын Фрэнсиса Пауэрса передал в музей. Есть и экспозиция, которая появилась относительно недавно, и посвящена она капитану Василию Архипову, который в период кризиса командовал советской подводной лодкой, оснащенной ядерными торпедами. В экспозиции упоминается, что благодаря его выдержке и хладнокровию удалось избежать атомной войны. Директор музея рассказывает в интервью программе «Настоящее время», что в связи с обострением российско-американского военно-стратегического соперничества количество посетителей увеличилось. Однако он надеется, что его музей никогда не пополнится уже современными экспонатами [35].

Музеи, посвященные «холодной войне» и отдельным ее периодам, есть и в других западных странах, например, в Великобритании. Так, организация «Английское наследие» в рамках сохранения истории «холодной войны» присвоила в 2012 г. двум стартовым позициям ракет «Тор» статус исторических памятников. Данные ракеты были приведены в боевую готовность в разгар Карибского кризиса. Глава организации Саймон Турли заявил, что данные объекты заслуживают сохранения, чтобы напоминать потомкам о роковом моменте истории, когда мир находился на грани катастрофы [36].

О том, какие эмоции в американском обществе сохранились после Карибского кризиса, можно судить, например, по фильму «Взрыв из прошлого» (“Blast from the Past”), вышедшему в 1998 г. По сюжету одна американская семья в 1962 г. спряталась в бомбоубежище и заперлась там на 35 лет. Потом они с удивлением и радостью узнали, что «никакого атомного взрыва не было», и что члены политбюро ЦК КПСС в 1991 г. просто заявили, что «они сдаются» [37]. «Холодная война» представлена здесь двумя основными мотивами: «это была смертельная опасность» и «США вышли победителями». Версия о том, что победителей в этой войне не было, остаётся менее популярной.

Итак, можно отметить некоторые наиболее характерные тенденции, выявленные при сравнении «политик памяти» двух стран. Карибский кризис, несомненно, является одним из тех событий, которые еще долго останутся «знаковыми» для россий-

ско-американских отношений. Интерпретации этого события менялись в зависимости от важных перемен на международной арене. В периоды «потепления» в отношениях двух стран акцент делался на «мудрости и выдержке», которые позволили политикам и военным предотвратить ядерную катастрофу. Однако новое «похолодание» в отношениях России и США реанимирует и многие стереотипы «холодной войны» — в частности, обвинения противоположной стороны в агрессивности и безрассудстве. При этом в каждой стране есть своя специфика в методах и инструментах проводимой политики памяти.

Если говорить о воздействии политики памяти на сферу образования, то следует отметить, что сравнительная характеристика в этой области осложняется разницей образовательных стандартов. В СССР, да и в России четко регламентировалось использование учебников, а в США учебный план традиционно более свободный. Впрочем, сейчас на фоне развития интернет-доступа к различным обучающим материалам данная тенденция развивается и в России.

Если оценивать политику регулирования доступа к архивным документам и создания музеев и памятников, то стоит отметить определенную схожесть использования данных методов. И российская, и американская стороны постепенно снимают гриф секретности с документов. Чаще всего это приурочено к памятным датам Карибского кризиса. Однако СССР в этом плане уступал США как по объёму раскритикованной информации, так и по частоте. Этот процесс ускорился в связи с демократизацией политического строя после распада Советского Союза. В США, в России и в других странах учреждаются музеи и открываются памятники, посвящённые Карибскому кризису как пиковому моменту «холодной войны». Каждая из стран отмечает, что данное наследие является напоминанием будущим поколениям о роковом моменте истории, когда мир был на грани уничтожения.

Рассмотрев варианты национальной политики памяти двух государств, можно сделать вывод, что и СССР (Россия), и США чаще всего использовали сходный набор методов и инструментов политики памяти, но с разной спецификой интерпретации событий кризиса. Так, например, каждая из сторон стартовала с разных позиций в контексте отношений с Кубой. И если в СССР (в России) на фоне идеализации в массовом сознании образа «острова свободы» поддерживался имидж Кубы как друга и союзника в противостоянии США, то американскими политиками пришлось приложить немало усилий, чтобы изменить имидж своей страны на Кубе в более положительную сторону. При проведении политики памяти каждая из сторон обычно делилась «большим куском вины» со своим оппонентом и стремилась обосновать собственную побе-

ду. В постсоветский период чаще стали признавать взаимную ответственность за Карибский кризис, отмечая при этом определенное сходство в стилях «лобового» противостояния двух сверхдержав. С конца XX в. изменялись и глобальные идентичности: в мире уже не стало «двуполярности» и четко очер-

ченных «лагерей», разделенных идеологическим и ценностным противостоянием. Тем не менее, наследие и исторические символы «холодной войны» продолжают активно использоваться тогда, когда актуализируются новые геополитические противоречия между странами.

## Библиографический список

1. Бордюгов Г.А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М., 2011.
2. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015.
3. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы: акторы, институты, нарративы / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб., 2020.
4. Семенов И.С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // Полис: политические исследования. 2016. № 4.
5. Титов В.В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М., 2017.
6. Assmann A. *Der Lange Schatten der Vergangenheit*. München, 2006.
7. Coakley J. *Mobilizing the Past: Nationalist Images of History // Nationalism and Ethnic Politics*. 2007. Vol. 10. № 4.
8. Nora P. *Between Memory and History: Les Lieux de Memoire // History and Memory in African-American Culture / Ed. G. Farbe, R. O'Meally*. New York; Oxford, 1994.
9. Hobsbawm E.J. *On History*. London, 1997.
10. Есин В.И. Карибский кризис 1962 года: открытые вопросы и наиболее поучительные уроки // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2013. № 1.
11. Allison G., Zelikow P. *Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis*. New York, 1999.
12. Blight J.G., David A.W. *On the Brink: Americans and Soviets Reexamine the Cuban Missile Crisis*. New York, 1989.
13. Lebow R.N. *Domestic Politics and the Cuban Missile Crisis: The Traditional and Revisionist Interpretations Reevaluated // Diplomatic History*. 1990. 14 (4).
14. Len Scott R. *Gerald Hughes. The Cuban Missile Crisis: A Critical Reappraisal*. London, 2015.
15. Nuti L. (ed.). *I «Missili di Ottobre»: La Storiografia Americana e la Crisi Cubana dell'Ottobre 1962*. Milano, 1994.
16. Sheldon M.S. *The Cuban Missile Crisis in American Memory: Myths versus Reality*. Palo Alto, 2012.
17. Из заключительного слова Н.С. Хрущева на пленуме ЦК КПСС 23 ноября 1962 года // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4331551>.
18. Черняев А.С. *Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 // Литмир*. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=562067&p=1>
19. Горбачев М.С. *Жизнь и реформы. 1995 // Libcat*. URL: <https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/biografii-memuary/201977-mihail-gorbachev-zhizn-i-reformy.html>
20. Соколов А.К., Тяжелников В.С. *Курс советской истории, 1941–1991*. М., 1999.
21. Данилов А.А., Косулина Л.Г., Пыжиков А.В. *История России. XX — начало XXI века: учебник для 9 кл*. М., 2003.
22. Волобуев О.В., Кулешов С.В. *История России, XX — начало XXI века. 11 класс*. М., 2009.
23. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые и протокольные записи заседаний: Стенограммы. Постановления: в 3 т. Т. 3: Постановления. 1959–1964 / гл. ред. А.А. Фурсенко. М., 2008.
24. 55 лет назад на Кубу были доставлены первые советские баллистические ракеты. 2017 // Минобороны России. URL: [https://function.mil.ru/news\\_page/country/more.htm?id=12141534@egNews](https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12141534@egNews).
25. Сталинский «Бункер-42» отмечает 60-летие // Россия К. 2016. URL: [https://tvkultura.ru/article/show/article\\_id/154436](https://tvkultura.ru/article/show/article_id/154436)
26. Совет РИО, Совет по внешней оборонной политике и «Деловая Россия» — заседание // Российское историческое общество. 2014. 20 окт. URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/sostoyalos-sovmestnoe-zasedanie-prezidiumov-soveta-rio-soveta-po-vneshnej-oboronnoj-politike-i-delovaya-rossiya.html>.
27. Гуроров В.А. К вопросу о человеческом измерении глобальных конфликтов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2013. Т. 9. №2.
28. Барак Обама начинает визит на Кубу // BBC News. Русская служба. 2016. URL: [https://www.bbc.com/russian/news/2016/03/160319\\_obama\\_cuba\\_visit](https://www.bbc.com/russian/news/2016/03/160319_obama_cuba_visit).
29. Johnson P. *A History of the American People // Ushistory*. 1997. URL: [https://ushistory.ru/images/files/A\\_History\\_of\\_the\\_American\\_People.pdf](https://ushistory.ru/images/files/A_History_of_the_American_People.pdf).
30. Davidson J.W., Stoff M.B. *The American Nation: Civil War to the Present // BookReader*. 2002. URL: <http://bookreader.org/reader?file=1259478&pg=415>
31. Вард. Г. *История США / пер с англ. И.А. Сергеевой*. М., 2009.

32. The Fog of War: Eleven Lessons from the Life of Robert S. McNamara. URL: <https://www.imdb.com/title/tt0317910>.

33. Memorandum from Major General F.T. Unger to General Taylor, "Revision of Information for Inclusion in the President's 'Black Bag'" 13 October 1962 // National Security Archive. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu//dc.htm?doc=4564672-Document-06-Memorandum-from-Major-General-F-T>.

34. Гасюк А. Секунды до Третьей мировой // Российская газета. 2012. №242 (5915). URL: <https://rg.ru/2012/10/19/krisis.html>.

35. Массальский В. Музей «холодной войны» — путешествие в прошлое? // Настоящее время. 2016. URL: <https://www.currenttime.tv/a/cold-war-museum/28148916.html>.

36. Ракетные базы станут памятниками Карибскому кризису // BBC News. Русская служба. 2012. URL: [https://www.bbc.com/russian/uk/2012/10/121016\\_cuba\\_crisis\\_memorials](https://www.bbc.com/russian/uk/2012/10/121016_cuba_crisis_memorials)

37. Blast from the Past. URL: <https://www.imdb.com/title/tt0124298>.